

913 (с 124)

90с-28

с 28

Северный Край

журнал, издаваемый Вологодским Обществом
изучения Северного Края.

КНИГА ВТОРАЯ

МАРТ-АПРЕЛЬ 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. О крестьянских волнениях в 1905—1906 годах. *П. В. Засодимского* 3
2. Говоры Прионежья. *Н. С. Шайжина* 11
3. Северная Центральная Вологодская область 25—59
4. Районирование с точки зрения сельского хозяйства и его задач. *Д. И. Деларова* 24
4. Районирование и северная промышленность. *Л. И. Андреевского* 43
5. Вологодская областная административная единица. *А. А. Колычева* 53
6. Павел Владимирович Засодимский (к 10-летию со дня смерти писателя). *П. Б-ва* 60
7. Библиография. Бежецкий край. *Л. И. Андреевского* 61
8. Из жизни Северного края 65
9. Сообщения с мест. Великий Устюг. *П. П. Шенникова* 66

ВОЛОГДА.

Типография Северосоюза.
1922.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

СТЕКЛОТРЕСТ

Правление Об'единенных Предприятий Керамико-Стекольной Промышленности Вологодской губернии.

ПРАВЛЕНИЕ в Вологде, Краснофлотская набережная д. 39. Тел. 45 и 142.

Председатель Директор-Распорядитель В. И. СЛЕПЦОВ, тел. 45.
Технический Директор Л. В. ТЕТЕЛЮТИН.
Коммерческий Директор Н. В. НИКУЛИЧЕВ.
Член Правления, Заведывающий заготовкой строительн. матер.,
строительн. работами и транспортом, Д. К. СИЛИН, тел. 241.
Член Правления, его помощник И. А. ПИРОГОВ.
Бухгалтер В. Г. СУХАРЕВ.
Секретарь Правления Д. А. ЯКУБОВСКИЙ.

В состав Правления входят следующие предприятия Вологодской губ.

УСТЬЯНСКИЙ СТЕКОЛЬНЫЙ ЗАВОД — село Устье Кадниковского у.

Управляющий, канд. в члены Правления В. И. НИКУЛИЧЕВ.

КУБИНСКИЙ СТЕКОЛЬНЫЙ ЗАВОД — Станция Харовская сев. ж. д.

Управляющий, канд. в члены Правления М. А. ПАРШИН.

КИРПИЧНЫЕ ЗАВОДЫ № 1 и 2 — г. Вологда, Городское всполье,

Управляющий, канд. в члены Правления Ф. М. БЕЛЯЕВ.

ЧЕРЕПИЧНЫЙ ЗАВ. и МУКОМ. МЕЛЬНИЦА — ст. Баглажка сев. ж. д.

Управляющий Г. А. БАНОВИЧ

АЛЕБАСТРОВЫЙ ЗАВОД

Заведывающий И.

ВЫРАБАТЫВАЕТ: оконное и
строительный кирпич, алеба
заготовку

Отпуск товаров производится
ням, кооперативам и частным
и путем тов

Трест покупает за наличный
продовольствие и предметы м
работающих

О подробностях купли-продажи

7 1978

К

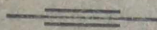
913 (с 124)
с-28

ИЗДАНИЕ
С.И. Густорова

902.7
с28

Северный Край

журнал, издаваемый Вологодским Обществом
изучения Северного Края.

КНИГА ВТОРАЯ

МАРТ-АПРЕЛЬ 1922 г.

ВОЛОГДА.
Типография Северосоюза.
1922.

7
БИБЛИОТЕКА
№ 7478

ПРОПРЕДНО

О крестьянских волнениях в 1905—1906 г.г.*)

I.

В Саратовской губернии вспыхнули крестьянские волнения. Царское правительство стало „успокаивать“ крестьян...

В с. Малой Шитневке казаки при содействии местных черносотенцев жестоко избивали крестьян, из которых четыре человека тут же умерли. Из числа избитых отобрали 12 человек и отправили под арест в с. Романовку, но один из них дорогой умер и брошен в селе Дурнякине. В с. Сорокине казаки так неистовствовали, что даже вызвали протест одного из своих товарищей; казак вступился за избиваемых и прекратил зверскую расправу. В с. Киндоле, Ивановке и Ключах казаки избивали встречного и поперечного. В Ключах избивание крестьян казаками происходило в присутствии и по указанию земского начальника. (С. От. № 226, 227 и 245).

Расправа в с. Чирикове (Балашовского у.) особенно характерна; она может служить иллюстрацией к тем зверствам, какие совершались над несчастным народом. Здесь казаки плетью истязали крестьян, „били по чему попало“, по спине, по животу, по голове, били без счета. Из 70 человек мужского населения 50 подверглись этой пытке. Истязали стариков лет 60—65 и 17-ти летних мальчиков, истязали так, что несчастные не могли на другой день снять рубашку, прилипшую к мясу, так как кожа была содрана плетью. Казаками командовал полк. Зворыкин, давший честное слово, что—если беспорядки не прекратятся—все село будет разнесено пушками... (С. От. № 240).

Верим „честному слову“ г. Зворыкина, потому что сдержать это честное слово вполне возможно и не только безопасно, но его исполнение может доставить даже полк. Зворыкину генеральские эполеты... Этот доблестный полковник вполне заслуживает того, чтобы его внести в список героев—на ряду с Минами, Зыковыми и Фроловыми, отличившимися подобно ему при избивании безоружного народа. Фамилии всех этих опричников и описание их славных подвигов должны быть занесены на черную доску Истории,—да ведают наши потомки „земли родной минувшую судьбу“...

Казаки показали себя достойными своих атаманов. Они не только избивали крестьян, но и обкрадывали их, тащили их последний жалкий скарб, воровали все, что было можно, что попадалось под руку.

*) 17 мая этого года исполнится 10 лет со дня смерти известного писателя—вологжанина П. В. Засодимского. В этом же № светлой памяти Павла Владимировича посвящается отдельная статья. Здесь вниманию читателей предлагается еще нигде не напечатанная статья П. В. Засодимского, написанная, судя по фактам, в 1905—1906 годах. Статья названа была им „В наши дни“. Редакция дала ей другое название.

У нищего крали суму... Так, в с. Бодманове у крестьянина С. В. Арефьева при аресте было украдено белье, 2 брюк, столярный алмаз, шапка, жилет... „И это не единственный случай“, замечает корреспондент (ib).

Саратовская губ. зем. управа телеграфировала ген. Сахарову о зверствах казаков в Балашовском уезде. „Казакки бьют, калечат, грабят, насилуют женщин, убивают“. (ib. № 227).

Наконец 8 ноября сам ген. Сахаров с казаками и с артиллерией прибыл в с. Хованщину „успокаивать“ крестьян. Он обратился с речью к народу. Со стороны крестьян с целью выяснить положение дел выступили сельские власти—староста и председатель волостного суда, но они немедленно же были избиты казаками до потери сознания. После того ген. Сахаров удалился в здание волостного правления, перед которым собрался народ. Здесь губернатор стал вызывать крестьян „по списку“ и допрашивать: „Признавайся,—поджигал, грабил?“— „Нет!“—А-га! Казаки! „Являлись на сцену казаки и били, били по-сменно, до потери сознания, отрубали куски мяса с лица, вырывали волосы бороды и затем сажали в кутузку... Били и стариков 70 лет. Казаки были пьяны, варварство их не поддается описанию... (ib. № 236).

Так ген. Сахаров „успокаивал“ саратовских крестьян.

Кровавые подвиги его и его достойных приспешников не остались в тайне. Узнало о них русское общество, возмутилась общественная совесть, и громко заговорили о мучительствах и истязаниях, каким этот генерал-адъютант подвергал несчастное, голодное крестьянское население—всех без разбора, старцев и детей. Узнав, что его злодеяния и издевательства над беззащитным народом всплыли наружу, ген. Сахаров захотел оправдаться перед людьми во взводимых на него обвинениях и, по словам одной газеты, писал своей жене: „В газетах московского происхождения уже пишут, что я утопил в крови Саратовскую губ., но это конечно вздор, так как по моему приказу не сделано ни одного выстрела и Бог даст сделано не будет“... (Нов. Вр. № 10.669).

Даже „самому близкому своему другу“ ген. Сахаров не решился сказать *всей* правды, (так она была ужасна!) и дал объяснение весьма уклончивое. „По моему приказу не сделано ни одного выстрела“... Залить страну кровью можно и не прибегая к выстрелам; людей можно убивать не одними ружейными пулями или артиллерийскими снарядами. Каин без ружья убил Авеля. До изобретения пороха и до введения огнестрельного оружия земля обильно заливалась человеческою кровью...

Саратовскую губ. можно было без единого выстрела „утопить в крови“, по выражению ген. Сахарова. Крестьян можно было истязать до смерти, пронизывать штыками, рубить саблями, срезывать сабельным ударом часть лица, разбивать головы нагайками... Так и было в действительности.

Наконец, явился мститель за поруганный, замученный народ. Какая-то неизвестная женщина убила Сахарова и сказала: „Теперь больше не будет мучить крестьян!“ Кто бы ни была эта женщина, она—героиня, и саратовское крестьянство с чувством глубокой признательности будет вспоминать о ней,—и почему знать, быть может, не далеко тот день, когда ей и ей подобным действительно народным героям—казненным, замученным опричниной—народ поставит памят-

ники. Да! В будущем им станут памятники ставить, а не Муравьевым—вешателям...

Когда женщину, убившую Сахарова, избавившую от него народ, доставили в тюрьму, то в тюрьме произошли „беспорядки“: арестанты так энергично требовали ее освобождения, что для усмирения их пришлось вызвать войска (ib.).

Труп ген. Сахарова привезли с помпой хоронить в Петербург. На гроб его возложили царский венок; его хоронили „под залпы орудий артиллерии и стрельбу войск“, но ни ружейная трескотня, ни пушечный грохот не заглушили того недоброго слова, каким народ проводил в могилу ген. Сахарова...

„Нововременские“ волки завывали...

Под покровом мрака „ночи 80-х и 90-х годов“ набралось в нашу журналистику много гнусной, скверной тли, составившей довольно значительный контингент провокаторов, сплетников и пасквилянтов. В это же время в нашу литературу пробрался между прочим, г. А. Ст—н, раньше пописывавший в „Пет. Ведом.“, а ныне подвизающийся на столбцах „Нов. Вр.“.

Как всякая тля, сегодня он—тут, завтра—там; его перо готово к услугам всех, кто достаточно платит, готово писать все, чего изволите, что прикажете, все, что угодно. Это—типичный представитель в литературе черносотенного направления в духе „партии правового порядка“, „союза русских людей“ и т. п.

Вот этот-то г. А. Ст—н живет в том же доме, где и семейство ген. Сахарова, и от прислуги он слышал, что генеральские дети—по получении известия о смерти отца—„страшно убиваются, все время плачут“... „Бедные дети!“ восклицает г. Ст—н. (Нов. Вр. № 10,666). А сколько крестьянских детей плачет в Саратовской губ. и как горько плачут эти дети, лишившиеся своих отцов—кормильцев, истерзанных, изувеченных, убитых казаками при нашествии ген. Сахарова,—о том генеральская прислуга не говорила г. Ст—ну, и он молчит о них.

Г. Ст—н, может быть, и знает или, по крайней мере, догадывается, что плачущих крестьянских детей в Саратовской губ. в настоящее время много, очень много, но весь запас его гуманности и сострадания распространяется лишь на лиц первых трех классов. Тут плачут генеральские дети... А там где-то в Саратовской глуши плачут дети мужиков,—да притом еще мятежных мужиков, бунтовщиков, которых и следует забивать на смерть, резать, душить, а хаты их „разносить пушками“... Нет! Гуманность г. Ст—на не может заходить так далеко, распространяться на грязную, голодную деревенскую детвору.

Далее этот господин пишет о генеральских детях: „Бедные дети... Теперь они плачут и безпокойные их детские сердца беспомощно колются в маленьких детских грудках, но они выростут и что накопится в их созревших думах и возмужавшем чувстве?... Месть?... Прощение?“...

И мне, конечно, жаль детей ген. Сахарова... Но их детское горе скоро забудется: время залечивает и не такие душевные раны, как горе о потере отца. Но генеральские дети, по крайней мере, будут избавлены от материальной нужды: за ними останется отцовская пенсия, они могут рассчитывать на всякие пособия и на всякие милости свыше, и путь для вступления в жизнь будет для них ровен и гладок.

Крестьянские дети—в другом положении. К горю их об искалеченном или убитом отце присоединится еще злая нужда; матери их не только не получают никакой пенсии и никаких пособий, но министр вн. дел, г. Дурново, даже позаботился о том, чтобы им не выдавали ссуды, то есть, лишил их последнего куска хлеба. Пойдут ребята „в кусочки“; станут побираться по миру; будут жить эти несчастные в холоде, в голоде, без теплого платишка на плечах в студеную пору, а в перспективе для них—преждевременная могила или жизнь тяжелого труда и лишений...

В виду страданий этих осиротевших малюток совершенно бледнеет, ступшевывается горе генеральских детей.

Горе этих генеральских детей, как я сказал, скоро забудется... Но вот, когда они выростут, когда узнают о том, какую роль играл их отец в эпоху освобождения России, быть может, их горе будет глубже, и сами они будут достойнее сожаления, чем теперь... „Что накопится в их созревших думах и возмужавшем чувстве?“ спрашивает г. Ст—н. Да. Это — вопрос...

Не должно забывать, что жить людьми взрослыми, жить сознательной жизнью они будут уже в свободной России. Рости они будут при других условиях, чем г. Ст—н; при других условиях вступят они в жизнь...

„Иные люди в мир придут,
Иные чувства и понятия
Они с собою принесут“...

Тогда черное не станут называть белым, разбойники не будут пользоваться уважением, правительство не решится сказать обществу: „Молчи, не говори правды, а то—убью!“...

Напрасно г. Ст—н меряет все и всех на свой аршин—даже и людей будущего...

Если дети Сахарова будут честными гражданами, то, познакомившись с историей нашего народа—страстотерпца, ознакомившись с историей наших дней, они поймут, что мстить им за отца не за что и не кому, а также и прощать им не кого. Совершенно напротив... В жизни им не раз, может быть, придется пережить тяжелые минуты при воспоминании о неслыханных ужасах наших кровавых дней. И вот тогда-то их будет жаль.

Конечно, дети неповинны в грехах и преступлениях отцов. Но печать Каина, которою История клеймит братоубийц—врагов народа, и на потомство их набрасывает тень. Историческая Немезида—неумолима.

II.

В двух старинных книгах описываются ужасы „драгонад“—ужасы той эпохи, когда самодержавное правительство Людовика XIV преследовало протестантов за то, что они думали и веровали не так, как желал король—Солнце и как требовал католический Рим.

„Войска производили везде неслыханные жестокости. Все им было позволено, кроме убийства“,—говорится в тех старых книгах. Протестантов всячески мучили, подвергали их всевозможным истязаниям—физическим и нравственным: лили им в рот кипяток, били палками по подошвам, вырывали бороды по одному волоску, клали

горячие уголья им в руки и заставляли держать их сжатыми, пока уголья не погаснут; обжигали им ноги, держа их подолгу перед сильным огнем или прикладывая к подошвам раскаленные железные лопаты. Одного из протестантов, по имени Рио (Ryau), „связали, защемили пальцы, загоняли булавки под ногти, протыкали ему ляжки и лили в раны уксус и сыпали соль“...

Иных протестантов солдаты раздевали донага и, подвергнув всевозможным унижениям, обкалывали булавками с ног до головы, резали их ножами; у иных срывали ногти на руках и на ногах. „Драгуны привязали г-жу де-Везансе к ее кровати и, когда она открывала рот, чтобы сказать слово или вздохнуть, плевали ей в рот“...

И женщинам драгуны оказывали не больше уважения и не больше милосердия, чем и мужчинам. Они не щадили чувства стыдливости и самым гнусным образом оскорбляли, позорили женщин. Драгуны связывали отцов и мужей и в присутствии их бесчестили их жен и детей. Они глумились, издевались над женщинами,—поднимали им юбки на голову и обливали их водой; иных драгуны раздевали до рубашки и заставляли плясать с ними. „Двух девиц из Калэ, по имени ле-Нобль, совсем нагих разложили на мостовой, и в этом виде оне подвергались насмешкам и оскорблениям прохожих“... И драгуны везде, по всей Франции—в Бургони, Пуату, Шампаньи, Гвиенне, Нормандии, Лангедоке—действовали одинаково: избивали, жгли, насиловали женщин... (Benoist. „Histoire de l'Edit de Nantes“, vol. V, pp. 180, 887—892.—„Quick's Synodicon in Gallia“, vol. I, pp. CXXX, CXXXI).

Это происходило во Франции в 1685 г.

Прошло 227 лет после тех ужасов... Цивилизация за это время сделала большие шаги вперед, смягчила нравы, сделала правительства гуманнее, жизнь человеческая стала цениться дороже, явилась Декларация человеческих прав, человеческое достоинство, человеческая личность стали уважаться, явились даже общества покровительства животным, союзы для защиты птиц...

Наступил XX век... И в нашем несчастном отечестве разразились такие ужасы, которые своею жестокостью и чудовищностью превосходят и драгонады Людовика XIV, и Варфоломеевскую ночь и неистовства инквизиции,*)—такие ужасы, от которых, по выражению каннадского министра-президента, Вильфрида Лорьера, „стынет кровь в жилах“...—Проведем параллель между французскими и нашими драгонадами.

Во Франции деспотическое правительство, не выносившее свободы ни политической, ни религиозной мысли, мучило, терзало людей с помощью преданных ему драгунов,—мучило за то, что они веровали не так, как желал король-Солнце и как повелевал Рим. Наше правительство в бессильной злобе, с яростью терзает, мучит, убивает всех, кто борется за свободу и счастье народа, всех, кто думает и чувствует не так, как желательно его опричникам. Во Франции отличались неистовствами драгуны; у нас также—драгуны и еще более казаки, своим диким зверством и жестокостью заслужившие вечную ненависть русского народа.

*) По вычислению Льеренте, историка Инквизиции, Торквемада в течение 18 лет казнил 10,220 человек in gloriam Dei. А у нас в течение 12 месяцев для поддержки самодержавия загублено вдвое более человеческих жизней, так что кровожадный Торквемада является еще очень милостивым по сравнению с нашими опричниками.

Французские драгуны оскорбляли, позорили женщин, издеваясь над их чувством стыдливости. У нас женщин также не щадили—и стегали нагайками.

Французские драгуны насильовали женщин—иногда даже в присутствии их отцов и мужей. У нас казаки также насилуют женщин. В с. Большие Сестренки (Балашовского у.), напр., казаки открыто насильовали женщин... „Отгонят мужа нагайками и насилуют... Человек 5—6 одну“... (Сар. Днев.—Нар. Хоз. № 2). В с. Чернавке того же уезда были изнасилваны казаками 13-ти-летняя девочка и беременная женщина, которая после истязаний родила мертвого ребенка. Обе изнасилванные умерли.. Казаки требовали, чтобы местный священник выдал им жену, но той удалось убежать. (Разказ об этом записан со слов шести крестьян с. Дмитриевки на ст. Летяжевка рязанско-ур. ж. д., препровождавшихся в Балашовскую тюрьму, 14 ноября 1905 г.). (С. От. № 245).

Но между драгоднами Людовика XIV и зверствами наших казаков, драгун и черносотенцев есть и разница. Во Франции в 1685 году драгоднам „все было позволено, кроме убийства“. У нас же дозволено и убийство, дозволено все, без всяких условий и ограничений. Так, на ст. Кавказской учительница Дугенцова была растерзана толпой черносотенцев в присутствии офицера и казаков. Близ Иванова-Вознесенска в присутствии жандармов была забита на смерть черносотенцами дочь врача, Гинкен.

Параллель не в пользу русских „драгодн“ 1905 года.

Французскими драгоднами предводительствовали офицеры различных рангов. Имена их нам неизвестны. Из истории лишь известно, что они были свирепы и кровожадны. С ними для параллели я могу сравнить, напр., тамбовского вице-губ. Богдановича и его приспешников, заливших кровью тамбовские деревни. Но прежде, чем говорить о подвигах Богдановича, я скажу несколько слов об отчаянном экономическом положении тамбовских крестьян.

Большинство помещичьих крестьян в Борисоглебском уезде, подвергшемся нашествию Богдановича, владеет неполными наделами—от $\frac{3}{4}$ до $3\frac{1}{2}$ десятин. 30 лет тому назад арендные цены там были до 8—12 руб. за десятину. В течение 30 лет население увеличилось, а арендная плата за один посев на одной десятине поднялась до 30 руб. Только русские крестьяне могли так долго терпеть этот помещичий грабеж. Но и их терпению пришел конец. „И мы жить хотим!“ заговорили крестьяне... Прошлым летом тамбовские крестьяне говорили: „Если к осени не будет какой нибудь перемены, тогда крышка—и нам и господам: все одно погибать! А терпеть дольше мы не можем!“ (С. От. № 230). Осенью *никакой перемены* не произошло,—и вспыхнуло аграрное движение...

Западно-европейское общество, вероятно, поймет наконец причины нашего крестьянского восстания: оне те же, что и причины французской революции 1789 г., то есть, народ дольше не может терпеть ненавистного режима, осуждающего его на голодную смерть ради интересов кучки людей, бездарных, жестоких, своекорыстных, готовых с легким сердцем залить кровью всю Россию—лишь бы сохранить за собой полную безответственность и хозяйничанье народными деньгами...

В виду горящих барских усадеб гр. Уваров почувствовал живейшее желание облагодетельствовать крестьян и предложил наделить

П. В. Засодимский.

(К 10-летию со дня смерти писателя).

I.

Десять только лет отделяют нас от смерти П. В. Засодимского, одного из симпатичнейших представителей народнического направления в нашей литературе, а в рядах русской интеллигенции редко можно встретить лицо, которое было бы знакомо с половиной, хотя бы, его романов, повестей и рассказов. Изданное в 1895 г. самим автором собрание его произведений (в двух томах) расходилось так медленно, что ни при жизни автора, ни после смерти не потребовалось второго издания. В памяти современного читателя Засодимский известен, главным образом, как писатель для детей, хотя сам Павел Владимирович придавал своим рассказам для детей гораздо меньшее значение, чем повестям и романам, и писать их стал лишь во вторую половину своей литературной деятельности.

Засодимский родился 1 ноября 1843 года в г. Великом-Устюге (тогда Вологодской губ.), в семье небогатого дворянина, владевшего небольшой усадьбой, доходов с которой далеко не доставало для обеспечения семьи. Детство свое П. В. проводил то в деревне, то в г. Никольске (Вологодской же губ.), куда отец его поступил на службу, вынужденный занять скромную должность провинциального чиновника.

У отца П. В. была большая библиотека, из которой будущий писатель и брал без разбора все, что попадало под руку. Уже до поступления в гимназию он был знаком с произведениями Державина, Фонвизина, Пушкина, Жуковского, Дефо, Плутарха и успел прочесть массу романов, как оригинальных (русских), так и переводных. С детства же владел П. В. и языками французским, немецким и польским.

В 1856 г. П. В. принят был в Вологодскую гимназию, а в 1863 г., по окончании курса в ней, зачислился в вольнослушатели юридическ. факультета С.-П.-Б. университета. Через два года он вышел из университета (повидимому, по недостатку средств), и с этого времени (вплоть до 1872 года) вел полную лишений и невзгод жизнь интеллигентного пролетария, существуя то на заработок от частных уроков (в Пензенской губернии), то на жалованье народного учителя (в Боровичском уезде, Новгор. губ.).

Оставив должность учителя „по независящим обстоятельствам“, П. В. с 1872 г. решил посвятить себя исключительно литературной деятельности.

„Если бы я не был убежден,—объяснял он впоследствии мотивы такого решения,—что моя литературная деятельность приносит пользу, то я никогда и не написал бы того, что мною написано. Я писал потому, что всегда был убежден, что я по мере сил моих исполняю известную часть общей работы, забрасывая в душу читателя добрые чувства и мысли, любовь к ближнему, отвращение к злу, к насилию и сострадание к несчастью. Я убежден, что не воду толку, не зря разбрасываю в мире печатную бумагу, но делаю свое дело в пространстве, отведенном мне моим талантом и условиями места и времени. Если бы хотя на миг поколебалось во мне это убеждение, я перестал бы жить“. (См. предисл. П. В. к „Полн. собр. соч.“).

Первые литературные опыты П. В. относятся к 1867 г., когда им были написаны (вскоре появившиеся в печати) воззвание к русскому обществу в защиту болгар, в то время угнетавшихся турками (напеч. в „Голосе“), и несколько стихотворений (помещ. в „Иллюстр. Газете“), не имевших почти никакого успеха. Лучше были приняты публикой повести „Грешница“, „Волчиха“, „А ей весело—она смеется“, „Темные силы“ и „Старый дом“, написанные в период времени между 1868 и 1870 г.г. Четыре года спустя, в 1874 г., П. В. написан был его лучший и наиболее популярный в свое время роман „Хроника села Смурин“ (напеч. в „Отеч. Зап.“ 1874 г. под псевдонимом „Вологдин“), служивший, как о том говорят биографы писателя (см. напр. „Ист. В.“, 1912 г., кн. 6), между прочим, и „для целей пропаганды во время хождения в народ.“—Читатель 70-х годов—находим мы в одной из биографий П. В.—всем направлением романа призывался к борьбе. Немудрено, что „Хроника села Смурин“ казалась ему вполне подходящей для возбуждения в народе тех же чувств и что изданную отдельно книгу эту он торопился раздавать своим прозелитам из народной и рабочей среды.—Это был момент наибольшей известности Засодимского и наибольшего влияния его на читателей.

Затем последовательно появились в печати „Степные тайны“ (в „Р. Б.“ за 1880 г.), „Кто во что горазд“, „Терехин сон“ (в „Слове“, 1878—1880 г.г.), „По городам и весям“ (в „Наблюд.“ за 1885 г.), „Грех“ (в „Рус. Б.“ за 1893 г.), „Три дороги“, „Семья Подошвиных“, „Веретьев“ и ряд других произведений, крупных и мелких, печатавшихся в журналах „Сев. Вест.“, „Сияние“, „Р. Жизнь“ и др.

С конца 70-х годов П. Вл. начал первые опыты в детской литературе, которые (начиная с первого рассказа „Заговор сов“, напеч. в „Детск. Чт.“), по авторитетному мнению А. М. Скабичевского (см. „Ист. нов. р. лит.“, изд. 2, стр. 250—251), должны считаться „лучшим (из того), что существует в детской литературе по беллетристике“. „Задушевный талант и задушевный писатель, близко, к тому же, знавший (по работе в школе) мир детей и детские интересы, П. Вл. легко завоевал симпатии читателя-ребенка и читателя-подростка. И если для произведений П. В. для взрослого читателя не потребовалось второго издания, то изданные им сборники рассказов для детей („Задушевные рассказы“, „Бывальщины и сказки“, „Дедушкины рассказы и сказки“ и др.) разошлись в огромном количестве экземпляров и до сих пор составляют любимое чтение школьников.

Кроме беллетристических произведений, перу П. В. принадлежит ряд публицистических трудов и статей, из которых наиболее солидным трудом является „Деспотизм, его принципы, применение их и борьба с деспотизмом“, а наиболее выразительной и для характеристики П. В., как писателя-публициста, наиболее ценной должна быть признана до сих пор нигде не напечатанная и печатаемая в этом № журнала статья „В наши дни (о крестьянских волнениях в 1905—1906 г.г.)“

Из публицистических работ П. В. выделяется статья „Вопросы молодого поколения“ в журнале „Слово“ за 1880 год. Статья эта произвела на общество сильное впечатление, была написана настолько горячо и смело, что, насколько помнится, журнал получил за нее так называемое „предостережение“.

Как публицист, Павел Влад. принадлежал к числу тех редких в последние десятилетия работников на общественной ниве, для которых их общественная деятельность являлась не столько работой,

сколько „подвигом“, своего рода „служением“—беззаветным и бескорыстным „служением вечным идеалам добра и правды“. Честность и неподкупность взглядов П. В. Засодимского, его искренность и верность девизу „amicus Plato, sed magis amica veritas“—в его публицистических статьях сказались еще ярче, нежели в вышедших из под пера его романах и повестях.*)

В первой половине 90-х годов после демонстративных похорон Шелгунова в Петербурге, в 1891 году, П. В. был выслан в Вологду. Это время совпало с сильнейшим голодом охватившим юго-восток России и Засодимский решил помочь голодающим путем издания специального сборника, который и вышел в 1892 году под названием „Помочь“, вологодский сборник в пользу голодающих“. Благодаря своим обширным связям, Засодимскому удалось привлечь к сборнику ряд крупных писателей, среди коих Цебрикову, Мак-Гахан, Генри Джорджа, С. Мережковского, В. Соловьева, Алчбова; из вологжан дали свои произведения А. В. Круглов, Л. Ф. Пантелеев, д-р А. А. Снятков и А. А. Тарутин.

Умер П. В. 3 мая (ст. ст.) 1912 г. в имении Хлудова „Жадины“, близ Опеченского посада Новгородской губ.,—от грудной жабы, осложнившейся воспалением легких. Через пять дней после смерти писателя состоялись его похороны, во время которых тысячная толпа народа, состоявшая из крестьян, школьников и учителей начальных школ и из представителей сельской разночинной интеллигенции, провожала умершего писателя к его могиле. „Почти позабытый в широких читательских кругах (города),—писал, подчеркивая этот факт, автор одного из некрологов, „П. Вл. Засодимский был любим и почитаем *там*,—в народной массе, для которой он жил и работал всю свою долгую и согретую любовью к человечеству жизнь!...

II.

Как писатель, П. В. Засодимский принадлежал к тем представителям народнической нашей литературы, которые оттеняли в народной жизни преимущественно ее мрачные стороны: „Не отрицая у народа больших способностей ума и души, писатели-народники этого толка сосредоточили все свое внимание на темных явлениях порчи народных дарований, вызванной теми ужасными условиями, среди которых народу пришлось жить целые столетия... Они были убеждены, что народ.. условиями своей бесправной и нищенской жизни доведен до таких степеней умственной и нравственной беспомощности, при которых нельзя ожидать никакого улучшения в его положении“. („Наше недавн. пр.“ Н. Котляревского, стр. 69-70).

П. В. и сам признавал, что ему близки писатели-народники именно этого типа. „Меня не раз упрекали“—пишет он в предисловии к „Полн. собр. соч.“ своих—„печатно, в письмах и устно за то, что я обращаю внимание преимущественно на темные стороны жизни. Не знаю, ... едва-ли, по справедливости, можно обвинять меня за то, что впечатления, получаемые мною от наблюдаемой действительности, в громадном большинстве окрашиваются в темные тона. Едва-ли справедливо

*) Недаром в статье своей „О кр. волнениях“ П. В. выражает сожаление, что „под покровом мрака ночи 80-х и 90-х годов“ набралось в нашу журналистику много гнусной, скверной глупости, составившей довольно значительный контингент провокаторов, сплетников и пасквилянтов“, чье „перо готово к услугам всех, кто достаточно платит“.

обвинять меня за то, что мои физические и умственные очи решительно не видят ничего светлого, радостного там, где его видят другие“.

В соответствии с этим, уже в одной из первых повестей своих П. В. Засодимский рисует жизнь такими штрихами: „Страшнее вьюги и метели шумит и стонет тот омут, что зовется жизнью... В этом омуте щепки и тина плавают поверху, а золотой слиток и алмаз идут ко дну... Когда, отрешившись от всего ходячего и предвзятого, (вздумаешь) посмотреть совершенно об'ективно вглубь этого омута—мороз подерет по коже, дыбом волос станет... Не знаешь: кому помочь? кого жалеть? кому посылать проклятия? Оглянешься, подумаешь—и страшно станет“.

В последующих произведениях Засодимского отношение его и героев его к жизни осталось тем-же самым. В очерке „Веретьев“ (написан в 1889 г.) дается гнетущая картина бессодержательной и безцельной, до бессмысленности, жизни,—тяжелой, в особенности, потому, что в ней „нет чувства общей связи, нет скрепляющего общего дела, нет поднимающего личность сознания гражданина“. Повидимому спокойный и уравновешенный, готовый работать для блага народа, герой этого очерка Веретьев по временам испытывает злобный порыв „наплевать на все“ и не удовлетворяется высокой целью „поднимать отечественное земледелие“ и тем улучшать материальное положение деревни, ибо не может забыть, при этом, основного и неизменно мучащего его вопроса: „Ну, отдам я (другим) и силы и состояние, а сам-то я себя куда пристрою?“ Другой герой, некто Свирский, пьянствует, рассуждая: „для кого и зачем я буду беречь себя, кому я нужен?“

Неудивительно, что широких замыслов переустройства жизни и стойкой веры в осуществимость идеалов нет у героев Засодимского (у „интеллигентных“ в особенности). И почти единственным их желанием (на ближайшее, по крайней мере, время) являются не мечты „о полном равенстве, о светлом царстве всеобщего мира и любви, о праве всех на равную с другими сумму благ“, а стремление устроить жизнь „не по-собачьи, перебиваясь как-нибудь со дня на день“, а так, чтобы можно было—„жить привольно и счастливо“. („Волчиха“, 1868 г.).

В полную противоположность прежнему „барски-соболезнующему, смягченному и приподнятому изображению народной жизни“ и „трезвой правде“ Решетникова (выражение И. С. Тургенева) и Ник. Успенского, изображавшего народ как скопище дураков, плутов и лентяев, мужик у Засодимского изображается чуть-ли не воплощением всяких нравственных и даже умственных совершенств. „Деревенских Лассалей изображал Засодимский“, лаконически формулировал свое отношение к произведениям П. В.—ча С. А. Венгеров.

Положительные типы крестьян, встречаемые в произведениях Засодимского, рисуются им в двух видах: или это строптивые протестанты, вроде Волчихи, Митюхи Косматого или Авгушки, или же кроткие типы проповедников „правды Божией“, как портной Иван Мудрый, портной Прокопий и Дмитрий Кряжев.

Не останавливаясь на первых типах, как довольно обычных в нашей литературе XIX века и по существу мало интересных, попытаемся, насколько позволяют размеры статьи, охарактеризовать героев второго ряда, являющихся проповедниками новой правды и строителями жизни на новых основах.

В ряду этих героев на первом месте по ясности и определенности его идеала должен быть поставлен портной из пов. „Грех“. „Большой грех только о житейском думать“, рассуждает портной Прокопий: „Нужно и о душе помышлять. Ведь не для одного корма мы живем“. И он горячо спорит с Чабаном, суровым и исправным хозяином, готовым ради наживы надорваться над работой и надорвать своих семьян. „Грех великий чужим горбом работать“, — усовершенствует Прокопий Васильевич Чабана: „с этого греха и пошла неправда по земле“.

Герой рассказа „Пропал человек“, Андрей Прохоров, ищет помощи „не от мира сего“. „Если бы знать — думалось ему — такое вещее слово, с помощью которого можно было бы просветить людей, сделать их добрее, раскрыть им глаза, чтобы они могли видеть, — и соединить все силы в одном деле“. И „если бы он знал такое слово“, — добавляет автор: „то, конечно, сказал бы его“, несмотря ни на что: „после будь с ним, что будет — ему все равно“.

Митюха Косматый (из расск. „Волчиха“), „ругатель за неправду“, которого „в мире чиновничества прозвали бы беспокойным человеком“, — совсем в другом роде, нежели Прокопий и Андрей. По существу природы своей протестант, он имеет в своих воззрениях и нечто положительное. Он не верит, подобно Андрею и Прокопию, что идеальные порядки могут быть внесены в жизнь „внутренним путем — совершенствованием личности, путем откровения ей правды Божией и стремления ее (личности) жить в правде“; он полагает, что к улучшению жизни есть только „один путь — создание лучших законов, общественных учреждений и разрушение всего того, что стесняет здоровое развитие человека“.

По этому пути, едва намечавшемуся в сознании неграмотного Митюхи Косматого, прошедшего лишь суровую школу жизни, — твердо идет герой „Хроники села Смурина“, Кряжев. Он практик в лучшем смысле этого слова; он и не женится потому только, что женатому человеку труднее служить „миру“. Познакомившись с „доброй барыней“ и „либеральным земцем“, Кряжев организует ссудо-сберегательное товарищество, кассу. Но Кряжеву того, что им сделано, всегда мало: его планы гораздо шире открывающихся пред ним возможностей. „Ни лешего не сделано“, размышляет в конце романа Кряжев: „И я-то дурак, дурак! Разве в корыте можно море переплыть!“.

Более сорока лет работал на литературном поприще Засодимский, и во всех произведениях своих обнаружил основательное знакомство с изображаемой им народной жизнью (особенно родной ему Волог. губ.) и верно передал то, что почерпнул в глубинах ее. Уже при самом беглом знакомстве с произведениями его чувствуется, что „пишет не между прочим забредший в деревню фотограф, который сумел наставить свой аппарат на самые эффектные картины и группы; пишет человек не только много видевший и добросовестно изучивший виденное; но много думавший над народной жизнью и глубоко почувствовавший ее, с ее тьмою и мерцающими среди нее искрами света“, с такою любовью отраженными им в положительных героях его произведений. („Р. М.“, 1896 г., II кн.).

И в этом право Засодимского, если и не на бессмертие, то, по крайней мере, на продолжительную и благодарную память.

Библиография.

Бежецкий Край. Первый выпуск статей Бежецкого Научного Общества по изуч. местн. края. Бежецк. 1921 г. Госиздат, Тверское отделение. (102 стр.).

Перед нами — умело, с любовью и знанием дела составленный первый выпуск материалов Бежецкого краеведческого научного общества, начавшего свою деятельность с сентября 1920 года.

Книжка открывается превосходной статьей А. А. Спицына „Бежецкие древности“, где в сжатой форме выпукло и отчетливо даны сведения по археологии края. „Новгородский и вообще северо-западный озерный русский неолит, говорит автор, имеет по своему богатству и разнообразию огромный, можно сказать, исключительный научный интерес. Это — лучший классический неолит Европы“. И для ознакомления с периодом местного каменного века в работе А. А. Спицына читатель найдет исчерпывающий материал, знакомясь попутно и с теми задачами, которые стоят теперь перед археологами в данной области. Находки медного периода и финские древности края также систематично описаны легким и понятным языком. Особенно финские древности в форме культуры типа Дьяковых городищ VI—VII в.в., распространенных широко от Белозерска и Галича на северо-востоке до Десны на западе, и памятники норманской и древне-русской культуры представляют крупный интерес для местных историков-археологов. Моренные образования Бежецкого Края связывали своим геологическим складом и направлением рек давние культуры литовского и финского миров, а в русском периоде открывали пути для взаимодействия через Осташков на Полоцк и через Ржев на Смоленск. Понятно, что в Бежецком крае, все еще недостаточно изученном, кроется огромный материал живой и богатой старины, старины финской, норманской и новгородской. Обзор и оценку открытого наукою материала, а также литературу к нему, и дает названная выше работа.

Ознакомясь с древностями края, читатель из историко-географического очерка И. Н. Постникова „Бежецкий верх“ узнает — как постепенно в качестве новгородской колонии в инородческом племени Югы (по Европеусу), или Веси (по Покровскому и Аспелину), а может быть и Мери (по Уварову и Богданову) сложилась особая область, особая новгородская „пятина“, сделалась затем предметом борьбы между Москвой и Новгородом, стала „Бежецким верхом“ московских государей и перестроилась в уезд при реформе Екатерины II — в 1796 году. Очень подробная картина перекройки области каждому интересующемуся судьбой русского административного деления дает много ценного.

Дальнейшие статьи, — И. Н. Постникова „Дворянское землевладение в Бежецком уезде“ и С. Г. Петровского „Основные черты хозяйственного быта Бежецкого у. конца 18 века“, — в сжатых схематических чертах дают наброски экономической жизни края; материалом для первой служили писцовая книга Ласкирева 1582 г., Разборная десятня Бежичан — 1622 г., переписная книга Беж. у. 1709 года, окладная книга Беж. Воевод. Канц. 1773 года и целый ряд архивных документов 19-го века; материал для второй дала книга — „генеральное соображение по Тверской губ.“ 1783—1784 г.г. Недостаток места не позволяет нам подробно сообщить об этих работах, равно как и о статьях по этнографии края (Д. А. Золотарев „Этнограф состав населения Беж. у.“ по материалам этнологическ. экспедиции при Р Академии наук, и С. Д. Симицына — „Тоблешане“).

Не давая об указанной выше книжке рецензии в настоящем смысле этого слова мы считаем необходимым в наши дни, когда с таким трудом узнаешь о новых работах, обратить внимание широкой публики на первый выпуск трудов Бежецкого Научного Общества, как на чрезвычайно ценный вклад в родниоведческую литературу, и вместе с тем не можем не пожелать Обществу успеха в труде по изучению естественных богатств края и его экономики.

Л. Андреевский.

Из жизни Северного Края.

Из жизни Вологодского Общества изучения Северного Края. 2 апреля состоялось годовичное общее собрание членов общества. Председательствовал Д. И. Деларов, секретарями собрания были С. Н. Самарин и И. А. Тюрнин.

Повестка дня: 1) отчет правления о деятельности общества за 1921 год и заключение по нему ревизионной комиссии; 2) доклад Е. А. Писковской о Всероссийской кон-

ференции научных обществ по изучению местного края; 3) выборы членов правления и ревизионной комиссии и 4) о возобновлении членских взносов.

Прочитанный отчет правления отмечал замечательное оживление в деятельности о-ва объясняемое улучшением внешней обстановки работы и улучшением материальных условий вследствие значительной помощи со стороны кооперативных союзов (Северо-союза, Лесоартели, Артельсоюза и Вологжанина). Подробные извлечения из отчета будут даны в 3-ей книжке журнала „Северный Край“. Собрание, на которое из 105 членов явилось 40 (явление, мало знакомое даже дореволюционному периоду жизни о-ва), прошло весьма оживленно под знаком живого интереса к родниоведческой работе. Приняты предложения о привлечении к ней молодежи, о популяризации родниоведческой идеи и научных знаний по краеведению среди широких слоев населения, о связи с кооперацией, об образовании комиссий и вовлечении в работу в них всех членов о-ва, о составлении на этих началах программы деятельности о-ва.

Выборы дали такие результаты: в члены правления избраны: А. А. Колычев, С. Н. Самарин, Л. И. Андреевский, А. А. Таругин, А. П. Башилов, Е. А. Пискова, Л. Н. Вухштейн, М. Н. Богословская, Н. А. Коковин, И. А. Тюрнин; в кандидаты: Н. Я. Достойнова, А. Н. Мечь и С. В. Клыпин. В члены ревизионной комиссии В. Н. Васильев, К. А. Липинский, А. А. Богусевич.

Вопрос о возобновлении членских взносов передан правлению для разработки и представления доклада ближайшему общему собранию.

Доклад Е. А. Писковой, отмечавший главные моменты работы Всероссийской конференции краеведческих обществ, заслушан был с большим интересом и вниманием.

В заседании членов нового правления о-ва, происходившем 5 апреля, избраны: председателем правления А. А. Колычев, товарищем председателя Л. И. Андреевский и секретарем С. Н. Самарин. В том же собрании образованы постоянные комиссии: музейная, историко-археологическая, географическо-этнографическая, редакционная, естественно-историческая и промышленно-экономическая. Кроме того, образована временная организационная комиссия для переработки устава, выработки правил пользования библиотекой и составления программы деятельности о-ва.

23 апр. в помещении публ. библиотеки член общества, начальник Большеземельского отряда Сев. Научно-Промысловой Экспедиции, Д. Д. Руднев прочел лекцию „По неисследованным местам Большеземельской тундры“. Лекция сопровождаемая многочисленными диапозитивами, собрала большую публику и вызвала значительный интерес.

Сообщения в мест.

Великий Устюг.

В № 1-ом журнала „Северный Край“ Д. Д. Руднев сообщает о найденных в месте стоянки доисторического человека на р. Вычегде остатках каменных орудий и черепков. Эта ст. напомнила мне беседу с бывшим земским врачом В.-Устюгского у. К. А. Линовским, который указал мне (в 1905 г.) место подобной стоянки на р. Юге. Местность, где найдена стоянка, известна и мне. Это внешний край древней террасы долины Юга, с правого берега в 40 верстах от В.-Устюга, вблизи д. д. Мармулина и Павшина, Устьаалексеевской вол. В.-Устюг, у.

Сложенная флювио-гляциальными слоистыми песками, терраса, некогда покрытая сосновым бором, представляла обширную боровую пустошь, в значительной части, особенно по внешнему краю, лишенную связанного растительного покрова и раздутую в многочисленные подвижные дюны. Линия края террасы у д. Павшина (расположенной в современной долине Юга) образует почти прямой угол, соответственно конфигурации современной долины и повороту реки Юга с В-З направления в Ю. С. направление. Здесь, около поворота, раздутость, а отчасти и размытость берега древней террасы наибольшая, так что образовались как бы холмы.

На одном из холмов находится незначительная россыпь, состоящая из остатков камней, кремневых осколков и пр.

Приблизительно в 1905—6 гг. К. А. Линовский, часто бывая в Устьаалексеев по делам службы, посещал эти дюны и там, с помощью деревенских мальчиков, собирал обломки, по его словам, каменных орудий: грубой обработки скребков, наконечников стрел и т. п., а несколько далее этих дюн к северу в песчаной осыпи древней береговой террасы находили черепки из необожженной глины.

Заинтересованный сообщением Линовского, я также неоднократно бывал на этих местах и также собрал небольшую коллекцию черепков из серой глины; на некоторых из них были следы орнамента в виде точек в один и в два ряда. Но коллекция моя оставлена в местном училище.

Что случилось с коллекцией К. А. Линовского сказать ничего не могу. Сам Каз. Ант., как врач, был мобилизован в действующую армию и я потерял его из виду. Впрочем, носился смутный слух, будто бы его находки послужили ядром для Устюгского музея.

Сообщая факт нахождения следов стоянки доисторического человека на р. Юге, я питаю надежду, что, быть может, Вологодское Общество изучения Северного Края обратит внимание на мое указание и при случае займется детальным обследованием упомянутой местности.

Добавлю, что, по словам сына, многократно делавшего в названной местности ботанические экскурсии, песчаные осыпи и дюны этой древней террасы имеют в своей флоре некоторые растения, представляющие для района особый ботанико-географический интерес, т. к. они могут быть рассматриваемы, как остатки флоры давнего периода (См. книгу А. П. Шенников. К флоре Вол. губ. Тр. Спб. Общ. Естеств. 1914—15 г.).

Петр Шенников.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. О крестьянских волнениях в 1905—1906 годах. <i>П. В. Засодимской</i>	3
2. Говоры Прионежья. <i>Н. С. Шайжина</i>	11
Северная Центральная Вологодская область	23—59
3. Районирование с точки зрения сельского хозяйства и его задач. <i>Д. И. Деларова</i>	24
4. Районирование и северная промышленность. <i>Л. И. Андреевской</i>	45
5. Вологодская областная административная единица. <i>А. А. Колычева</i>	55
6. Павел Владимирович Засодимский (к 10-летию со дня смерти писателя). <i>П. Б-ва</i>	60
7. Библиография. Бежецкий край. <i>Л. И. Андреевской</i>	61
8. Из жизни Северного края	65
9. Сообщения с мест. Великий Устюг. <i>П. П. Шенникова</i>	66

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Открыта подписка на двухнедельный журнал

„КООПЕРАЦИЯ СЕВЕРА“,

издаваемый Вологодскими Кооперативными Союзами: Северосоюзом, Артельсоюзом и Лесоартелью.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА.

На 1 мес.	100.000 руб.
„ 2 „	200.000 „
„ 3 „	300.000 „

Отдельный номер в розничной продаже 60.000 руб.

ЦЕНА ОБЪЯВЛЕНИЙ.

1 стр. журнала 1 раз	3.000.000 руб.
1/2 „ „ „ „	1.500.000 „
1/4 „ „ „ „	1.000.000 „

Для повторных объявлений скидка по соглашению.

(Цены по старой валюте).

Имеются в продаже № № „Кооперация Севера“ за 1921 г. по 80.000 руб. № В 1921 году вышло 6 номеров.

Подписную плату направлять: Вологда, Северосоюз, Неторговый Отд.

Издакия Вологодского Общества изучения Северного края.

П. А. Дилакторский. Опыт указателя литературы по Северному Краю с 1766 до 1904 года. Ц. 300 т. р., с пер. 325 т. р.

В. Трапезников. Наш край (печатается 2-е издание).

Программа для собиpания этнографических сведений (печатается 2-е издание).

„Известия Вологодского Общества изучения Северного края“. Вып. I, изд. 1914 г., вып. II, изд. 1915 г., вып. III изд. 1916 г., вып. IV, изд. 1917 г. (распрод.).

Готовится к печати „Путеводитель по Музею Волог. О-ва изуч. Северного Края“.

Продаются в Музее о-ва (Вологда, М. Петровка № 1).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журнал

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ,

издаваемый Вологодским Обществом
изучения Северного края.

В журнале будут помещаться статьи по этнографическим, естественно-историческим, экономическим и историко-археологическим вопросам.

Стоимость № 1—75 т. р., № 2—125 т. р., за пересылку
25 т. р. за №.

Подписка принимается и продажа производится в Музее О-ва (Мал. Петровка, № 1) и в ки. магазинах и киосках г. Вологды.

Издатель—Вологодское Обществ-
во изучения Северного Края.

Ответственный редактор—председа-
тель правления о-ва *Ал. Колычев.*

Р. В. Ц. (Вологда). 242.

Типография „Северосоюза“

Тираж 2000 экз.

КНИЖНЫЙ СКЛАД
„ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ“

Вологодского Губернского Отдела Народного Образования,

Вологда, Каменный мост.

ПРОДАЖА учебников и других книг по всем отраслям знания, а также учебных пособий и письменных принадлежностей, нот и календарей. На складе имеются все издания Научно-технического комитета Губсовнархоза („Материалы по изучению и использованию производительных сил Северного Края“ и пр.), журналы „На грани“, „Северный Край“ и другие местные издания литературного, научного и краеведческого содержания. Склад покупает и **принимает на комиссию** книги как местного, так и иногороднего издания.

**„СЕВЕРОСОЮЗ“ (Губсоюз) ОТКРЫЛ РОЗНИЧНЫЙ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН**

в гор. Вологде, ул. Свободы, дом бывший Пермякова.

В магазине имеется большой выбор книг по всем отраслям знания.

Магазин еженедельно пополняется новинками, издающимися в Петрограде, Москве и др. гор.

Иногородные заказы выполняются быстро и аккуратно за наличный расчет, или же высылаются наложенным платежом.

Книгопродавцам делается обычная скидка. Пересылка за счет заказчиков.

Продажа производится без каких либо ограничений.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на сельско-хозяйственный кооперативный журнал

„ЗЕРНО“

Издаваемый Вологодскими Губкредсельсоюзом и Губземуправлением.

Первый номер вышел из печати—второй выходит в конце мая.

Цена первого номера 100.000 рублей, второго 200.000 руб. (без пересылки).

Книжки продаются во всех Вологод. книжных магазинах, киосках и у газетчиков.

Подписка принимается в конторе журнала (Советский проспект, дом Юшина), на почте и лично с 10 до 4 часов дня.

Правление Об'единенных Кожевенных Предприятий

Вологодского Г. С. Н. Х., организованное на Коммерческих (типа Государственного Треста), доводит до сведения учреждений и частных лиц об открытии своих операций, выходящих в следующих основных моментах:

1. Управление Кожевенными предприятиями: 1-м Кожевенником бывш. Т/Д А. Я. Бурлова и С-вья, г. Вологда, 2-м бывш. Бр. Куликовых дер. Деревенька Вологодского уезда, Несвойск 3-м бывш. А. В. Миронова г. Грязовец, 4-м бывш. К. И. Кропале. Гридино, Раменской вол., Грязовецкого уезда и Обувной фабрики „Северный Богатырь“, бывш. Гавартина, значительно расширен шорно-сапожными мастерскими.

2. Заготовка в губернии кожевенного сырья и козовчины видов и спецификаций своим аппаратом и на началах контрагента согласно декрета С. Н. К. от 3-го августа 1921 г., путем товароснабжения на кожевенные и иные товары и расчет дензнаками по ценам соглашения.

3. Прием на свободных началах и по соглашению сторон заготовки переработку кож, пошивку обуви механическим и ручным способом шорно-седельные изделия при быстром и аккуратном их исполнении.

4. Закупка топлива, корья, пушнины, рогов, копыт, конского лоса, луба, ворвани, дегтя, сала, извести, соды кальцинированной, вару, дегры, дратвы, винтовой и медной и бронзированной проволоки, ручной текст, каблучных дей „ЛАТИНГА“, деревянных гвоздей, шпильку, сапожно-шорные прочие материалы, необходимые для Обувно-Шорного производства также продовольствия для рабочих и служащих и фуража на началах и по ценам соглашения.

5. Продажа при широком выборе предметов кожевенного производства: обуви, заготовок, вытяжки, крюков, крестьянской упряжи, седлов, шлей, черезседельников, выросток, конский хаз (подошвенный), полува и прочих кожевенных и обувно-шорных товаров.

Имея солидный, основной и оборотный капиталы и экономический базис для кожевенной промышленности в губернии, надеемся в ближайшем на значительное расширение операций.

Ваши предложения просим направлять по адресу Кожевенного управления Краснофлотская улица, дом бывший Губернской Земской Управы лично, письмами и по телеграфу гарантируя самый срочный ответ.

Сообщая состав Правления: Директор-Распорядитель А. А. Ков., Коммерческий Директор Х. А. Борисов, Член Правления Н. Раскатов, Кандидаты: А. Я. Бурлов, А. В. Некрасов, надеемся на полное к Правлению доверие.

КОЖПРАВЛЕНИЕ!

Цена № 1 журн. „Сев. Край“ — 75.000 руб., № 2 — 125 тыс. руб. Подается в книж. магазинах и киосках г. Вологды и в Областном Музе Родиноведения (Петровка, № 1).